



Анатолий Юрьевич Аврутин родился и живёт в Минске. Автор более двадцати поэтических сборников, изданных в России, Белоруссии, Германии и Канаде. Лауреат международных литературных премий им. Э. Хемингуэя (Канада), «Литературный европеец» (Германия), им. К. Бальмонта (Австралия), им. Н. Гоголя «Триумф» (Украина), им. С. Есенина, им. Б. Корнилова, им. А. Чехова, им. Н. Лескова, им. В. Пикуля (все – Россия) и других. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Почётный член Союза писателей Белоруссии и Союза русскоязычных писателей Болгарии. Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака

## Женщину люблю... Люблю рассветы... И ладони мамыны люблю...

\*\*\*  
«Эрос, филия, сторге, аганэ, латрейя...» –  
греческие слова, обозначающие  
различные оттенки любви

Языки мелеют, словно реки,  
Но течению лет – не прекословь...  
Много знают чувственные греки  
Слов, обозначающих любовь.

Научились жить раскрепощённо  
И, расцветив жизненную нить,  
О любви светло и утончённо,  
О любви – с любовью говорить...

А наш круг житейский,  
словно дантов –  
Как ни хлещут чувства через край,  
Но по-русски нету вариантов,  
И любовь любовью называй.

Но зато, скажу без укоризны,  
В русском слове,  
что не превозмочь,  
Много есть названий для Отчизны –  
Родина, Отечество и проч.

Есть название громкое – Держава,  
Ну а в нём сплелись  
и «кровь» и «кровь».  
Многогранна воинская слава,  
А любовь?.. Она и есть любовь.

И большой любовью обогретый,  
Я другого слова не терплю.  
Женщину люблю... Люблю рассветы...  
И ладони мамыны люблю...

\*\*\*  
Вячеславу Лютому

Ничто не бывает печальней,  
Чем Родина в сизом дыму,  
Чем свет над излучиной дальней,  
Кольшуший зябкую тьму.

Ничто не бывает созвучней  
Неспешному ходу времён,  
Чем крик журавлиный, разлучный,  
Буравящий даль испокон.

И сам ты на сирой аллее,  
Такою ненастной порой,  
Вдруг станешь светлей и добрее  
Средь этой тоски золотой.

Поймёшь – все концы и начала  
Смешались средь поздних разлук.  
И что-то в тебе зазвучало,  
Когда уже кончился звук...

\*\*\*  
Узколицая тень всё металась  
по стареньким сходням,  
И мерцал виновато  
давно догоревший костёр...  
А поближе к полуночи  
вышел отец мой в исподнем,  
К безразличному небу худые ладони  
простёр.

И чего он хотел?..  
Лишь ступней необутой примятой,  
Побуревший листочек  
всё рвался лететь в никуда.

И ржавела трава...  
И клубился туман возле хаты...  
Да в озябшем колодце  
звезду поглотила вода.

Затаилась луна...  
И ползла из косматого мрака  
Золочёная нежить,  
чтоб снова ползти в никуда...  
Вдалеке завывала  
простуженным басом собака  
Да надрывно гудели  
о чём-то своём провода.

Так отцова рука упиралась  
в ночные просторы,  
Словно отодвигая подальше  
грядущую жуть,  
Что от станции  
тихо отъехал грохочущий «скорый»,  
Чтоб, во тьме растворяясь,  
молитвенных слов не спугнуть...

И отец в небесах...  
И нет счёта всё новым потерям.  
И увядший букетик похож  
на взъерошенный ил...  
Но о чём он молился в ночи,  
если в Бога не верил?..  
Он тогда промолчал...  
Ну а я ничего не спросил...

\*\*\*  
Шепоткам назло, глазам колючим,  
Недругам, что ждут невдалеке,  
Я пишу на русском, на могучем,  
На роднящем души языке.

Я пишу... И слышится далече,  
Сквозь глухую летопись времён,  
Исполинский рокот русской сечи,  
Звонниц серебристый перезвон.

И живот в бою отдав за друга,  
Друг уходит в лучшие миры...  
И по-русски просит пить пичуга,  
И стучат по-русски топоры.

И рождён родного слова ради,  
Будет чист прозренья чудный миг,  
Как слезинка кроткого дитяти,  
Что стекла на белый воротник...

\*\*\*  
«А я любил советскую страну...»  
Геннадий Красников

Скорей не потому, а вопреки,  
Что над страной моей погасло солнце,  
Я вас люблю,  
родные старики,  
Матросова люблю и краснодонцев.

О, сколько было строек и атак  
В моей стране,  
исчезнувшей!.. Однако

Её люблю,  
не глядя на ГУЛАГ  
И несмотря на травлю  
Пастернака.

Теперь она отчётливей видна,  
Там дух иной  
и истинность – иная,  
Где радио хрипело допоздна,  
Что широка  
страна моя родная.

Мне до сих пор  
ночами напролёт,  
Из памяти виденья  
доставая,

Русланова про «Валенки» поёт  
И три танкиста гонят самураев...

Там Сталинград ещё не Волгоград,  
Там «Тихий Дон»,  
там песенное слово.

И в ноябре, как водится,  
парад –  
Под первый снег... В каникулы...  
Седьмого...

Мне в детские видения слова  
Впечатались,  
чтоб нынче повториться:  
«Столица нашей Родины –  
Москва...»  
Я там же... Не Москва моя столица...

Смахну слезу... На несколько минут  
Прижмусь щекой  
к отцовскому портрету.  
Седьмое ноября...  
У нас – салют...  
Во славу той страны, которой нету.

\*\*\*  
Месяц горбат и юродив.  
Так тяжело на душе.  
Женщина в доме напротив  
Свет погасила уже.

С нею мы нет, не знакомы.  
Просто сроднился давно  
С тем, что за тёмным проёмом  
Женщина смотрит в окно.

Матово-белое тело,  
Ковшик у края стола...  
Что-то сказать мне хотела...  
Вздогнула... Не позвала...

Не позвала и не надо.  
Хватит до смертной доски  
Этого позднего взгляда,  
Полного ранней тоски.

\*\*\*  
Серебряный ветер врывается  
в дом из-под шторы,  
Чумная газета от ветра  
пускается в пляс.  
И чудится Гоголь...  
И долгие страшные споры,  
Что вёл с непослушным  
Андрием чубатый Тарас.

И что-то несётся сквозь ночь...  
На тебя... Издалёка...  
И тайно вершится не божий,  
не праведный суд.  
И чудятся скифы...  
И чёрная музыка Блока...  
Кончатся звуки...  
А скифы идут и идут.

Полночи без сна...  
И едва ли усну до зари я...  
Приходят виденья,  
чтоб снова уйти в никуда.

И слышно,  
как бьётся пробитое сердце Андрия,  
И слышно,  
как скачет по отчим просторам Орда.

На мокнувших стеклах полуночных фар  
перебранка,  
И тени мелькают –  
от форточки наискосок.  
А где-то, как некогда,  
тихо играет тальянка,  
И в душу врывается старый,  
забытый вальсок...

Полоска рассвета,  
как след от верёвки на вые...  
Задёрнется штора...

Отныне со мной навсегда  
Года роковые, года вы мои ножевые,  
Почти не живые, мои ножевые года.

Всё смолкнет внезапно...  
Поверишь, что лопнули струны.  
Спохватись –  
где он, главу не склонивший редут?  
Иное столетье...

И это не скифы, а гунны,  
Зловещие гунны  
в тяжёлых доспехах идут...

\*\*\*  
Серым лугом, чёрной рожью,  
Ржавым следом от гвоздя,  
Мчится боль по бездорожью,  
Одиночеством хрустя.

Мчится зло и величаво,  
Всё сминая на пути.  
Поле слева, поле справа,  
Мёртвый ангел посреди.

Сколько в ней свинцовой прыти,  
Сколько пены на губах!  
Всё растопчет, всё вскоптит:  
Пену – в пепел, пепел – в прах...

Возлетит над колокольней,  
Вкрикнет: «Русская юдоль!  
Так мучительно и больно...  
Даже мне...Хоть я и боль...»

\*\*\*  
Когда мелодия прозренья  
Сама отыскивает звук,  
Приму, как знак благословенья,  
Листочек, рвущийся из рук.

Пусть унесёт худой листочек  
Туда, где истина права,  
Спешашую тоскливость строчек,  
Почти напрасные слова.

Чтобы потом, в иные сроки,  
Мог ощутить хоть кто-нибудь  
Вот этот голос одинокий,  
Вот эту сумрачную суть...

\*\*\*  
Октябрь... Во мгле ошетинились ели,  
Потупила женщина раненый взгляд.  
Намокли кусты...  
Журавли улетели.  
А я всё хочу воротиться назад.

Туда, где туман над тропинкою ранней,  
На луг васильками стекли небеса,  
Где первые искорки робких желаний,  
Зрачок о зрачок! – высекают глаза.

Где плющ закурчавился возле беседки,  
Где гроздь рябины кровавят закат,  
Где чахлое солнце повисло на ветке,  
А я всё хочу воротиться назад.

Туда, где поспела уже ежевика,  
Где осы роятся...  
Ужалят... Не трожь!  
И где позади журавлиного крика  
Несжатой полоскою стелется рожь.

Где сад сторожит дед  
с берданкою злоущей,  
Где все заголовки нахально кричат  
О светлом пути,  
о счастливом грядущем...  
А я всё хочу воротиться назад.